Изданіе редакціи журнала «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго).

МЕМУАРЫ,

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ И МѢСТО

ВЪ РЯДУ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Н. ЧЕЧУЛИНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининск. кан., 80.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 29 октября 1891 г.

Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ

Н. Чечулинъ.

(Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 22 янв. 1891 г. предъ началомъ курса «Русскіе мемуары XVIII в.»).

Записки современниковъ, мемуары, издавна и совершенно основательно считались въ ряду важнѣйшихъ историческихъ источниковъ. Можно даже сказать, что прежде имъ придавалось громадное, почти исключительное значеніе — въ то время, когда одни считали вполнѣ искренно, что въ своихъ запискахъ они повѣствуютъ полную, настоящую исторію своего времени, когда другіе считали вполнѣ достаточнымъ пересказывать прямо слова современниковъ, въ полномъ убѣжденіи, что находятъ въ нихъ совершенно вѣрное изображеніе событій той эпохи, когда вообще о прошломъ говорили лишь то, что прямо говорили о своемъ времени представители предшествовавшихъ поколѣній, и когда чуть не вся историческая критика ограничивалась рѣшеніемъ вопроса — не лгалъ-ли тотъ или другой современный свидѣтель умышленно. Но въ настоящее время въ исторической наукѣ на первомъ планѣ стоятъ другіе источники — именно правительственные акты всѣхъ возможныхъ родовъ и вообще архивный матеріалъ. Правда, большое вниманіе стали удѣлять этимъ источникамъ сравнительно недавно, пожалуй всего лѣтъ 100 тому назадъ, но можно сказать съ увѣренностью, что никогда уже назадъ историческая наука не пойдетъ въ опредѣленіи, по какимъ источникамъ вѣрнѣе и полнѣе можно изучать прошлое. Но

и мемуарамъ не было отказано въ признаніи за ними громаднаго значенія; и если они не занимаютъ, правда, своего прежняго, господствующаго положенія—ибо съ привлеченіемъ въ науку новыхъ матеріаловъ разширились задачи и цѣли и увеличились средства историческихъ изслѣдованій—то, во всякомъ случаѣ, изученіе мемуаровъ и записокъ современниковъ оказываетъ существеннѣйшія услуги историку и при теперешнихъ требованіяхъ отъ историческихъ трудовъ. Въ настоящемъ случаѣ я и попытаюсь выяснить, чѣмъ же особенно важны мемуары для историческаго изученія и теперь и какъ надо ими пользоваться, чтобы извлечь изъ нихъ наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія.

За послѣдніе 100 приблизительно лѣтъ историческіе труды изъ болѣе или менѣе изящнаго, достовѣрнаго, даже проникнутаго одною идеею повѣствованія о прошлыхъ событіяхъ обратились мало-помалу въ изслѣдованія того каковы были люди и какъ они жили прежде, при чемъ современный изслѣдователь болѣе уже не останавливается тамъ, гдѣ оставляетъ его разсказъ современниковъ, но стремится возстановить для себя жизнь прежнихъ поколѣній по возможности полно, представить ее себѣ такъ, какъ знаемъ, какъ переживаемъ мы нашу жизнь. Одно изъ главнѣйшихъ требованій отъ современнаго изслѣдователя, чтобы онъ не разсказывалъ только то, что ему сказалъ тотъ или другой источникъ, хотя бы и самый достовѣрный, но чтобы онъ по мѣрѣ возможности старался самъ, такъ сказать, стать посреди событій извѣстной эпохи, узнать ихъ по возможности въ подробности и въ точности, чтобы онъ представлялъ себѣ прошедшія событія такъ, какъ они совершались, а не такъ, какъ о нихъ говорили,—что̀ не одно и то-же—и затѣмъ говорилъ бы о нихъ самостоятельно, высказывалъ бы тѣ мысли и соображенія, которыя вызваны тѣми или другими происшествіями, обстоятельствами въ немъ самомъ. При такихъ требованіяхъ, когда знаніе прошлаго полагаютъ не въ усвоеніи разсказовъ о немъ современниковъ, а въ наивозможно болѣе полномъ и точномъ ознакомленіи съ прежнимъ бытомъ, чрезвычайно разширяется поприще для историческихъ изслѣдованій, такъ какъ въ силу различія въ разныя эпохи общественныхъ интересовъ, постепеннаго повышенія уровня знаній и измѣненія понятій являются совершенно различные запросы относительно минувшаго, одни и тѣ-же источники изучаются съ разныхъ точекъ зрѣнія и потому должны и могутъ давать очень различные отвѣты.

Такъ, когда писалъ свою безсмертную книгу Карамзинъ, то

онъ думалъ еще, что постоянно имѣетъ дѣло съ государствомъ почти такого же характера какъ то, въ которомъ онъ жилъ; ему еще совершенно чужда была мысль, что и государство развивалось медленно, очень мало-по-малу и потому онъ совершенно не услѣдилъ постепеннаго роста государственныхъ понятій въ русской исторіи; затѣмъ, обнаруживши вообще необыкновенный талантъ и чрезвычайно широкое, особенно по тому времени, пониманіе задачъ и объема исторіи, онъ всетаки не обращалъ никакого вниманія на соціально-экономическіе вопросы прежняго времени, ибо при немъ самая наука политической экономіи еще едва зарождалась—и предъ нимъ, поэтому, конечно молчали источники во многомъ, что сказали они людямъ и меньшаго таланта, да умѣвшимъ иначе ихъ доспрашивать, смотрѣвшимъ на прошлое сквозь ихъ же извѣстія, но стоя на другихъ, новыхъ точкахъ зрѣнія; и если никто еще не превзошелъ Карамзина и въ его поклоненіи всему хорошему и въ его благородномъ негодованіи на все дурное въ прошломъ, то всетаки, наши теперешнія свѣдѣнія о жизни нашихъ предковъ несомнѣнно значительно полнѣе, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, которыя извлекалъ изъ источниковъ для самого себя Карамзинъ. Это-то и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ вѣчности науки вообще, а съ нею и исторіи. Такъ какъ мы узнаемъ прошлое главнымъ образомъ такъ, какъ его понимаемъ, черезъ наше собственное сознаніе, то за каждымъ измѣненіемъ въ нашемъ пониманіи жизни, отъ поколѣнія къ поколѣнію измѣняется и безконечно будетъ измѣняться, конечно, все развиваясь, расширяясь, и историческая наука—пониманіе и оцѣнка грядущими поколѣніями трудовъ ихъ предковъ, создавшихъ имъ возможность новыхъ, и все болѣе и болѣе крупныхъ шаговъ впередъ, и умѣнье людей пользоваться для общаго блага уроками вѣковъ.

И такъ, современная историческая наука стремится прежде всего къ наивозможно полному, точному, основательному знанію прошлаго, знанію, основанному не на усвоеніи только разсказа современниковъ, но на самостоятельномъ изслѣдованіи событій, направленномъ именно такъ, чтобы узнать событія по возможности независимо отъ призмы того или другого источника.

Но и получивши даже очень точное, вѣрное знаніе событій прошлаго, историкъ еще далеко не достигъ своей цѣли. Историкъ стремится непремѣнно не только знать событія, но и понимать ихъ. Никогда живой и дѣятельный умъ не можетъ удовольствоваться однимъ только знаніемъ, ибо все-таки второстепенная, менѣе само-

стоятельная дѣятельность ума даетъ намъ это знаніе, болѣе же важною дѣятельностью человѣкъ стремится къ пониманію событій, къ уясненію себѣ—вообще говоря, какъ родъ людской отъ первобытнаго, дикаго состоянія дошелъ до современнаго намъ, въ частности же—къ уясненію, что̀ именно и какъ, чѣмъ, благопріятствовало или противодѣйствовало этому движенію въ отдѣльныя эпохи, и что̀, слѣдовательно, вѣроятно и вообще благопріятствуетъ или мѣшаетъ ему, что̀ въ предыдущемъ что̀ имѣло слѣдствіемъ въ дальнѣйшемъ и какъ именно дѣйствовало. Безгранично, можно сказать, разнообразіе возникающихъ при этомъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько подвинулись впередъ и сила человѣческой способности разбираться въ этой массѣ причинъ и слѣдствій вообще, а въ частности и методы исторической науки, что ученые все болѣе и болѣе умѣютъ приходить къ выводамъ очень обоснованнымъ, почти несомнѣннымъ. А между тѣмъ, именно эта сторона имѣетъ громадное значеніе, ибо черезъ нее историческое изученіе, сохраняя свою полную научность, близко касается и жизни. Внимательное изученіе исторіи, близкое ознакомленіе съ жизнью и трудами цѣлыхъ вереницъ поколѣній, изученіе того процесса, какимъ шло человѣчество съ громадною суммою работы хотя и черезъ большія ошибки, конечно, впередъ и впередъ по пути умственнаго и нравственнаго своего совершенствованія, должно, конечно, оказать особенно благодѣтельное вліяніе на сужденія человѣка о жизни и отношеніяхъ житейскихъ вообще, должно придать болѣе вѣрности его взгляду въ оцѣнкѣ причинъ и слѣдствій и въ современныхъ ему обстоятельствахъ. Конечно, всякія научныя занятія, упражняя умъ, пріучая человѣка строго провѣрять всякую свою мысль и всегда принимать доказанную истину, хотя бы иногда и казалось заманчивымъ остаться при прежнемъ взглядѣ, конечно, всякія такія занятія дѣлаютъ человѣка болѣе способнымъ къ правильной и полезной общественной дѣятельности. Но мнѣ все-таки кажется,—быть можетъ потому, что историческія занятія мнѣ особенно близки,—что изученіе исторіи, раскрывающее передъ нами множество жизней, множество и крупныхъ и мелкихъ перемѣнъ въ самомъ процессѣ ихъ создаванія, увеличиваетъ такъ сказать нашу житейскую опытность и такъ, какъ никакая другая наука, можетъ подготовить людей къ болѣе правильному пониманію жизни и ея явленій. Хорошо и справедливо сказано, что зрѣлище съ одной стороны громаднѣйшихъ измѣненій, совершившихся въ человѣчествѣ, съ другой—видъ той массы труда, кото-

рая на это положена, и которая требуется для всякаго движенія впередъ, должны развить и вѣру въ возможность такихъ важныхъ, значительныхъ перемѣнъ въ устройствѣ человѣческаго общества, о какихъ не мечтаютъ, можетъ быть, и самыя смѣлыя новаторскія ученія, но и такое уваженіе къ созданнымъ вѣковыми трудами милліоновъ формамъ народной жизни, котораго не можетъ дать самый упорный, но слѣпой консерватизмъ.

Сказавши сейчасъ, что цѣлью историческаго изученія является не столько знаніе, сколько пониманіе прошлаго, спѣшу немедленно же оговориться, что разумѣю не общее представленіе, которое многими принимается за пониманіе и которое иные считаютъ возможнымъ пріобрѣсти безъ точнаго знанія, но такое пониманіе, которое только и должно быть называемо этимъ именемъ, т. е. пониманіе, основанное на самомъ точномъ знаніи. Конечно, понимать дѣйствительно можно лишь то, что знаешь дѣйствительно; и если мы иногда говоримъ о пониманіи чего нибудь, повидимому представляя его чѣмъ то, могущимъ существовать безъ основательнаго знанія, то это неточное выраженіе; и правильно оно можетъ быть допускаемо лишь тогда, когда мы хотимъ сказать, что у насъ есть, собственно говоря, дѣйствительное знаніе предмета или вопроса, но только, такъ сказать, несобранное, но что въ каждую данную минуту мы можемъ его собрать, можемъ продѣлать тотъ умственный процессъ, который дастъ намъ и знаніе. Настоящее пониманіе прошлаго можетъ явиться лишь какъ результатъ дѣйствительно научныхъ занятій; а въ понятіе научности непремѣнно входитъ и понятіе отчетливости, точности; ибо научные пріемы, научный методъ, непремѣнная принадлежность научныхъ занятій, это вѣдь вовсе не есть рядъ какихъ то фокусовъ или замысловатыхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ ведетъ почему то къ вѣрнымъ заключеніямъ— это вѣдь есть, попросту, лучшіе пріемы, лучшіе методы; а въ это понятіе, очевидно, входитъ необходимо и точность тѣхъ свѣдѣній, которыми приходится пользоваться.

Я останавливаюсь на этихъ вопросахъ нѣсколько дольше потому, что разъясненіе ихъ выдвигаетъ и истинное значеніе мемуаровъ: изученіе ихъ можетъ оказать громадныя услуги правильному пониманію прошлаго.

Когда мы точно, подробно, обстоятельно узнаемъ факты прошедшихъ вѣковъ, у насъ начинаетъ мало по малу складываться пониманіе ихъ. Умъ нашъ начинаетъ пытливо разбираться въ своихъ свѣдѣніяхъ, опредѣляя причины, выискивая слѣдствія, изучая

взаимодѣйствіе массы факторовъ, дающее тотъ или другой результатъ; мы стараемся осмотрѣть каждый вопросъ со всѣхъ сторонъ, раскрыть причины и слѣдствія какъ можно полнѣе, подмѣтить зарожденіе или послѣдствія извѣстнаго факта какъ можно глубже и шире, тамъ, гдѣ ихъ, пожалуй, не сразу и предполагать можно. И вѣроятность правильно понять и оцѣнить извѣстное явленіе, конечно, возростаетъ съ возростаніемъ числа сторонъ, съ какихъ успѣемъ мы осмотрѣть интересующее насъ явленіе. И вотъ при этомъ никакъ не должно забывать взглянуть на извѣстный фактъ съ одной очень важной стороны къ сожалѣнію часто оставляемой безъ вниманія, именно съ той, какою оно было обращено къ современникамъ его. Сторона эта упускается изъ виду чаще другихъ, вѣроятно, потому что смотрѣть на неё и понимать ее всего труднѣе; ибо въ то время какъ для оцѣнки событія, правильно и подробно изученнаго, съ нашей точки зрѣнія не нужно уже никакихъ дальнѣйшихъ изученій, для оцѣнки его съ точки зрѣнія его современниковъ нужно еще опредѣлить эту послѣднюю. Но можно ли сказать, что знаешь историческое значеніе того или другого событія, если не знаешь въ точности его значенія для современниковъ, его вліянія на нихъ, наконецъ, его пониманія современниками, тѣми, кто создавалъ это событіе, кто жилъ съ нимъ, кто имъ увлекался, радовался, гордился или страдалъ. Мнѣ кажется, нельзя оспаривать, какъ важно узнать событія съ этой точки зрѣнія и не нужно доказывать, что только при изученіи ея факты и могутъ быть правильно поняты. Очень часто бываетъ, что совершенно одинаковые факты, но случившіеся въ разное время или въ разныхъ мѣстахъ, представляютъ явленія совершенно различнаго характера: въ одномъ случаѣ они доказываютъ замѣчательное движеніе впередъ, въ другомъ—грубость, костность. Очевидно, что оцѣнка такихъ явленій не можетъ быть въ обоихъ случаяхъ одинакова, и дать правильную поможетъ только изученіе событія на фонѣ эпохи, только пониманіе того, чѣмъ было оно для современниковъ. И не надо опасаться, что принявши эти основанія мы станемъ цѣнить каждое событіе только съ условной точки зрѣнія, съ предположенной нами точки зрѣнія его современниковъ, и что мы, такимъ образомъ, съузимъ, такъ сказать, свою оцѣнку. Мы, напротивъ, только расширимъ ее. Отъ сужденія съ нашей, современной точки зрѣнія мы никогда не въ силахъ будемъ отказаться: сужденіе это, разсматривающее результаты, всегда будетъ произносимо: оно явится у насъ почти даже помимо нашей

воли, отъ неизбѣжнаго сравненія нашего съ прошедшимъ; всякій безпристрастный и развитый человѣкъ почти всегда способенъ вѣрно оцѣнить, что̀ стало теперь лучше, чѣмъ было прежде, что напротивъ, какіе результаты желательны, какіе нѣтъ. Но только историкъ, и при томъ ставшій на указанную сейчасъ точку зрѣнія, способенъ произнести судъ дѣйствительно не лицепріятный, судить не результаты, созданные часто и случайными, не подлежащими человѣческому разсчету причинали, а тотъ процессъ мысли, которымъ доходили люди до тѣхъ или другихъ положеній, тотъ процессъ личной дѣятельности массы людей всего общества, съ какими воспринимаются и осуществляются въ жизни тѣ или другія положенія, оцѣнить вообще ту массу труда, которую произвелъ на пользу всего человѣчества тотъ или другой народъ, то или другое общество.

И вотъ, для того чтобы стала возможна такая оцѣнка, такое сужденіе, громадное значеніе имѣютъ мемуары и записки современниковъ. Выполнить поставленныя нами выше требованія можно при одномъ условіи, которому вполнѣ можно удовлетворить. Для этого необходимо узнать *логику* прежнихъ поколѣній. Несомнѣнно, что прежніе люди иначе судили чѣмъ мы, иныя принимали основанія, иные и иначе дѣлали выводы о томъ, что должно и что недолжно, что хорошо и что худо; самая сила ихъ мышленія была, несомнѣнно, иная, чѣмъ наша, и общемъ, такъ же несомнѣнно, меньше нашей. И узнать, разобрать все это можно наилучшимъ образомъ изучая мемуары и записки, гдѣ авторы рисуютъ намъ самихъ себя и своихъ близкихъ въ самыхъ различныхъ, простыхъ, житейскихъ положеніяхъ, гдѣ они раскрываютъ предъ нами всю свою жизнь, со всею откровенностью, и простотою. Если еще теперешнихъ мемуаристовъ, которые твердо знаютъ, что рано или поздно записки ихъ будутъ напечатаны, можно иногда заподозрить въ нѣкоторомъ недостаткѣ искренности, въ стремленіи порисоваться, выставить себя лучше, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, то ничего этого нельзя предполагать въ старыхъ русскихъ мемуаристахъ, а въ томъ числѣ и въ большинствѣ мемуаристовъ XVIII в. Большинству ихъ навѣрно ни на минуту въ голову не приходило, что ихъ произведенія станутъ потомъ извѣстны тысячамъ чуждыхъ имъ лицъ. Они, несомнѣнно, писали, какъ думали. Просто, расшевеленныя умственная дѣятельность, видъ массы новшествъ, вошедшихъ въ жизнь, наталкивали ихъ на сравненіе стараго и новаго, при сравненіе же являлось желаніе записать,

сохранить для самаго себя и близкихъ лицъ то, что было прежде и что все болѣе и болѣе измѣнялось. Мемуары того времени чрезвычайно просты и искренны; если въ которыхъ и есть фальшь, то она такъ ясна, что не трудно ее устранить, да и то фальшь эта направлена на окрашеніе въ тотъ или другой видъ отдѣльныхъ событій, а не на то, чтобы выставить въ лучшемъ свѣтѣ свою личность. Въ силу всего этого мемуары являются драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для изученія умственнаго и нравственнаго строя людей извѣстнаго времени и общества, этимъ даютъ намъ возможность понять отношеніе ихъ къ событіяхъ ихъ времени, а черезъ это и при измѣнившихся взглядахъ и требованіяхъ отъ историческихъ трудовъ сохранили они свое прежнее громадное значеніе, какъ сказалъ я въ самомъ началѣ. Не по ихъ разсказамъ представляемъ мы теперь себѣ ту или другую правительственную мѣру, значеніе извѣстнаго факта оцѣниваемъ не съ ихъ словъ, а обращаемся для этого къ холоднымъ, сухимъ офиціальнымъ документамъ, перебираемъ груды ихъ, производимъ такіе разсчеты, отмѣчаемъ такіе факты, что не были отмѣчаемы, тѣмъ болѣе разбираемы, современниками. Но мы читаемъ и перечитываемъ мемуары затѣмъ, чтобы въ мелочахъ, въ промелькнувшихъ мимоходомъ замѣчаніяхъ уловить складъ ума ихъ авторовъ, ихъ ходъ мыслей, всю ихъ житейскую логику однимъ словомъ. И когда мы захотимъ сдѣлать тотъ необходимый для настоящаго историческаго пониманія шагъ, когда мы захотимъ представить себѣ, какъ же создавалось не въ канцеляріяхъ или приказахъ, но въ жизни, въ умахъ людей, какъ была встрѣчена, что значила для современниковъ извѣстная мѣра, какъ воздѣйствовала она на ихъ жизнь и міровоззрѣніе—тогда мемуары дадутъ намъ единственный по своей цѣнности матеріалъ. Только изученіе литературы прошлыхъ вѣковъ въ ея подлинникахъ и непремѣнно еще въ произведеніяхъ второстепенныхъ, среднихъ писателей, можетъ отчасти замѣнить то, что даютъ мемуары, но лишь отчасти только, ибо литература всегда особенно легко поддавалась чужимъ вліяніямъ, весьма часто то шла впереди вѣка, то отставала отъ него, находясь въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго появленія сильныхъ талантовъ; литература, кромѣ того, въ извѣстныя эпохи прямо имѣла въ виду рисовать жизнь не такъ какъ она была въ дѣйствительности, а непремѣнно либо давая сатиру, либо указывая идеалы—что не даетъ, однако, прочныхъ, но положительныхъ типовъ, указаніемъ которыхъ особенно и цѣнны мемуары. Часто встрѣчаемъ мы въ нихъ интересныя подробности быта,

часто—по остроумному выраженію К. Н. Бестужева—Рюмина—въ одной строкѣ мемуаровъ разъясняется то, что остается неяснымъ въ цѣлыхъ фоліантахъ дипломатическихъ нотъ и офиціальныхъ бумагъ; есть эпохи, которыя вслѣдствіе особыхъ причинъ отличаются неполнотою или неточностью офиціальныхъ документовъ и мемуары часто пополняютъ наши свѣдѣнія о нихъ существеннѣйшимъ образомъ,—однимъ словомъ, самое содержаніе нашего источника очень цѣнно, важно, вполнѣ заслуживаетъ вниманія и изученія. Но еще важнѣе того, что сказано, то, какъ сказано, ибо въ этомъ прямо раскрывается предъ нами духъ и понятія того времени; вчитываясь въ мемуары мы получаемъ возможность ясно представить себѣ, какъ думали и чувствовали прежніе люди, какъ дѣйствовали на нихъ извѣстныя событія и черезъ это лучше чѣмъ въ чемъ либо другомъ находимъ ключъ къ пониманію многаго, что иначе могло бы остаться совершенно неяснымъ.

А есть ли какой другой источникъ, занятія надъ которымъ представляли бы столько прямого непосредственнаго интереса?! Въ то время, какъ при изученіи многихъ важнѣйшихъ архивныхъ матеріаловъ получаются интересные выводы лишь какъ результатъ продолжительной, трудной и скучной работы, тутъ предъ нами встаетъ фигура автора, со всѣми его интересами, чувствами какъ бы живущаго человѣка, предъ нами проходятъ чередой живыя сцены, часто трогательныя своею простотою и наивностью, часто блещущія юморомъ, то печальныя, грустныя, то тяжелыя, иногда позорныя—и всегда высоко-интересныя, какъ сама жизнь, какъ полное отраженіе умственной и нравственной жизни живого человѣка...

При изученіи отдѣльныхъ мемуаровъ мы и должны держаться приблизительно въ сферѣ затронутыхъ нами теперь вопросовъ. Познакомившись съ личностью и дѣятельностью самого автора записокъ разсматривать его извѣстія объ отдѣльныхъ крупныхъ событіяхъ, изучать все, что онъ даетъ объ общественной жизни, о бытѣ и нравахъ, при этомъ особенно стараться выяснить предъ собою умственный и нравственный складъ самого автора и близкаго къ нему круга современнаго ему общества. Не всякія, конечно, записки даютъ матеріалъ одинаковаго достоинства для всѣхъ этихъ вопросовъ. Мемуары первые по времени, начала XVIII и самаго конца XVII в. даютъ преимущественно свѣдѣнія объ отдѣльныхъ событіяхъ, изъ позднѣйшихъ иныя, напр., записки Данилова, особенно Толубѣева, рисуютъ только нравы и бытъ общества, иныя наконецъ, какъ напр. записки Болотова, Держа-

вина, Шаховскаго и мн. другія, заключаютъ интереснѣйшія свѣдѣнія и о томъ, и о другомъ. Но можно сказать безъ исключенія всѣ мемуары даютъ намъ интереснѣйшій матеріалъ для наблюденія надъ умственнымъ складомъ и развитіемъ современнаго автору общества. Пріемы, методы изученія тѣхъ или другихъ записокъ должны конечно разнообразиться частью въ зависимости отъ рода сообщаемыхъ фактовъ, частью въ зависимости отъ состоянія другихъ источниковъ для той же эпохи и т. д. Но теперь же, здѣсь я позволю себѣ остановиться нѣсколько на выясненіи того, какъ нужно идти къ изученію третьяго, самаго интереснаго вопроса, объ общемъ умственномъ и нравственномъ обликѣ общества, рисуемаго въ тѣхъ или другихъ запискахъ, ибо и въ этомъ случаѣ если не болѣе, то никакъ и не менѣе, чѣмъ въ при пользованіи какими бы то ни было другими источниками нужно заботиться о томъ, чтобы сохранить свою самостоятельность и не поддаться слишкокъ сильному вліянію чужихъ взглядовъ или даже чужихъ словъ.

Записки современниковъ въ общемъ представляютъ матеріалъ настолько интересный и даютъ такую любопытную и живую картину прошлаго, что уже не разъ на основаніи ихъ пробовали дать если не полное изображеніе общества и его жизни въ прошлые вѣка, то общую характеристику той или другой эпохи. Но мнѣ кажется, что большинство этихъ характеристикъ не можетъ быть признано удовлетворительными. Характеристика должна, конечно, какъ это само собою разумѣется, отмѣтить главнѣйшіе, господствующіе, наиболѣе общіе своему времени факты и черты. Въ полномъ описаніи или изслѣдованіи, конечно, должны имѣть мѣсто и разные особенные, болѣе рѣдкіе по своимъ размѣрамъ и значенію факты, черты мелкія, частныя; но въ характеристики нужно брать по возможности факты господствующіе и только. Всѣ, дававшіе характеристику прошлыхъ вѣковъ, къ этому естественно и стремились, но многіе совершенно невѣрно опредѣляли, что должно быть признаваемо характеристичнымъ для своей эпохи. Обыкновенно таковымъ считаютъ рѣзкіе факты, явленія особенныя, исключительныя, самими современниками отмѣчаемыя, какъ таковыя, и потому ими подчеркиваемыя. Очень часто выбираютъ изъ мемуаровъ и записокъ, иногда даже изъ уголовныхъ дѣлъ и сатирическихъ журналовъ такіе факты и думаютъ, что характеризуютъ нравы и понятія эпохи. Но вѣдь это совершенно невѣрный пріемъ и полученныя такимъ способомъ характеристики обыкновенно оказываются очень далекими отъ истины. Вѣдь характеризуется прошлое не

тѣмъ, что, случившись тогда, поражаетъ насъ, ибо весьма возможно предположить, да часто такъ и оказывается при внимательномъ чтеніи, что и сами современники факта были поражены имъ ничуть не менѣе насъ—слѣд., событіе это было явленіемъ и для того времени не характернымъ, а столь же исключительнымъ, какъ и для насъ. Кромѣ того въ однихъ и тѣхъ же мемуарахъ очень часто встрѣчаемъ совершенно противуположные другъ другу рѣзкіе, исключительные факты, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти совершенно однообразные рѣзкіе факты можно собрать въ самыя различныя эпохи, да и теперь, по любой большой газетѣ, за любые 10—15 лѣтъ; на всякій фактъ нравственной испорченности, продажности, жестокости, невѣжества можно подыскать противуположные факты высокой нравственности, неподкупной честности, примѣры милосердія и широкаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизительно одинаковые случаются рѣзкіе, грубые факты, т. е. проступки и преступленія, и теперь, какъ прежде. Поэтому, если характеризовать эпохи, на основаніи такихъ фактовъ, то во 1) характеристика одной и той же эпохи, одного и того же общества должны будутъ заключать въ себѣ несогласимыя противорѣчія, а во 2) характеристики эпохъ совершенно различныхъ могутъ оказаться настолько сходными, что отъ нашихъ взоровъ ускользнетъ тогда процессъ историческаго развитія народа или общества. Кромѣ того, можно сказать a priori, что всякія характеристики, сдѣланныя на основаніи отдѣльныхъ рѣзкихъ фактовъ будутъ болѣе чѣмъ бы слѣдовало мрачны, ибо вообще люди гораздо чувствительнѣе къ тому, что поражаетъ ихъ какъ дурное—объ этомъ всегда большее и говорятъ, чѣмъ о поражающемъ, какъ хорошее; а затѣмъ еще человѣкъ, по самому свойству своей природы, гораздо скорѣе будетъ доведенъ чѣмъ-либо непріятнымъ до приговора пристрастно строгаго, нежели чѣмъ либо пріятнымъ до приговора завѣдомо слишкомъ похвальнаго. Такимъ образомъ ясно, что обращая вниманіе лишь на факты рѣзкіе, выдающіеся нельзя получить характеристики вѣрной. Искать ее надъ совершенно другимъ путемъ.

Дѣло въ томъ, что на самомъ то дѣлѣ, характеристично не рѣзкое, исключительное, а какъ разъ наоборотъ то, что въ извѣстную эпоху встрѣчалось особенно часто, постоянно, что было въ свое время самымъ обычнымъ, и что потомъ, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, въ силу историческаго развитія стало встрѣчаться въ другихъ формахъ или вовсе замѣнилось другимъ. Можно, дѣйствительно, характеризировать что-либо рѣзкими, исключитель-

ными чертами—но лишь тогда, когда выбирается одинъ, особенно характерный фактъ изъ господствующихъ фактовъ, а это можетъ быть сдѣлано безошибочно лишь тогда, когда мы совершенно хорошо знаемъ то, что хотимъ характеризировать,—такъ можемъ мы иногда одною фразою характеризировать хорошо извѣстнаго намъ человѣка, писателя, хорошо извѣстный намъ кругъ общества; напротивъ, часто рѣзкія черты, приводимыя о какой-нибуть странѣ путешественниками, ее только проѣхавшими, оказываются совершенно нехарактерными, невѣрно освѣщаютъ описываемую землю. И чтобы дать по возможности вѣрную характеристику извѣстнаго времени и общества, надо обращать главнѣйшее вниманіе не на рѣзкіе, выдающіеся факты, а на тотъ фонъ, на которомъ вырисовываются они предъ нами, ибо этотъ-то фонъ и заключаетъ наиболѣе господствовавшее, обычное, а потому и характеристичное для своего времени. А этотъ фонъ мы увидимъ, если обратимъ главное вниманіе не на восклицанія автора, не на указанія, подчеркиванія его, а на описанія, на то, что онъ говоритъ совершенно просто, спокойно, ибо тутъ мы въ немногихъ словахъ получаемъ результаты очень многихъ наблюденій и впечатлѣній автора, настолько многихъ, что они уже сложились для него въ нѣчто совершенно простое, обычное. И вотъ, всякая общая для своего времени, но необычная уже для насъ, черта, уловленная въ такихъ частяхъ записокъ—дѣйствительно, даетъ намъ нѣчто характеристичное для того времени. Собирая тщательно такія черты мы, дѣйствительно, можемъ вѣрно понять, и характеризировать общество прошлаго времени. Да и въ разсказѣ современника о какомъ-либо фактѣ, можно и должно находить эту сторону: нужно вводить изъ такого разсказа въ характеристику не самый фактъ, а отношеніе къ этому факту современниковъ; тогда, конечно, мы ближе и вѣрнѣе представимъ себѣ ихъ умственный и нравственный уровень, чѣмъ приписавши имъ такой фактъ какъ характеристичную для ихъ времени черту.

И если мы, изучая какую нибудь эпоху очень точно и полно по всѣмъ источникамъ ея исторіи, въ пользованіи мемуарами пойдемъ этимъ путемъ, если, не увлекаясь восклицаніями современниковъ по поводу того или другого рѣзкаго факта, сохранимъ полную самостоятельность нашего взгляда и съумѣемъ, спокойно смотря на жизнь прежде насъ трудившихся на землѣ поколѣній, правильно представить себѣ общіе ихъ принципы, ихъ господствующія понятія, ихъ пониманіе жизни, ея цѣлей и средствъ для движенія впередъ,—а для всего этого мемуары даютъ матеріалы гро-

мадной важности—то мы получимъ вмѣстѣ съ точнымъ знаніемъ и дѣйствительное, историческое пониманіе прошлаго.—И такъ вотъ каково значеніе мемуаровъ для историческаго изученія и при измѣнившихся требованіяхъ отъ трудовъ по исторіи; они оказываютъ важнѣйшія услуги при изученіи исторіи общества; а такое изученіе прошлаго, изученіе, направленное не на отдѣльные, рѣзкіе, рѣдкіе случаи и факты, а по преимуществу на господствующіе факты, можетъ имѣть очень большое значеніе. Дѣйствительно, вѣдь обратившись къ изученію жизни общества мы начинаемъ изучать громадную массу фактовъ и къ тому же несомнѣнно, повторявшихся, если не въ послѣдовательности, то одновременно; мы знаемъ и можемъ всегда это доказать, что люди, жившіе въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же обществѣ, несмотря на множество индивидуальныхъ отличій, имѣютъ всегда очень много общаго въ своихъ взглядахъ и сужденіяхъ. У насъ уже при видѣ одного этого является предположеніе, что, вѣроятно, такіе, а не другіе, взгляды и понятія явились у нихъ подъ вліяніемъ какихъ то, однообразно и правильно дѣйствовавшихъ причинъ, ибо нельзя же допустить, чтобы *случайно* сложилось у милліоновъ людей такое единообразіе умственное и нравственное. Но если мы прослѣдимъ развитіе извѣстнаго общества или народа, то увидимъ, что, при всей значительности перемѣнъ совершавшихся въ его умственномъ и нравственномъ обликѣ, опять таки люди другого, слѣдующаго періода, при всемъ различіи индивидуальностей, между собою какъ и прежде имѣютъ очень много общаго. Слѣдовательно, извѣстныя событія оказали на массу людей почти одинаковое вліяніе и произвели почти одинаковыя измѣненія въ ихъ умственномъ и нравственномъ строѣ, а множество одинаковыхъ измѣненій—это вѣдь есть вмѣстѣ съ тѣмъ множество единообразныхъ фактовъ. Но множество единообразныхъ фактовъ, повтореніе явленій есть одно изъ условій, указывающихъ, что существуютъ общіе законы, по которымъ эти явленія совершаются. А разъ они есть, человѣческій умъ рано или поздно найдетъ и раскроетъ ихъ. Конечно, мы еще чрезвычайно далеки отъ открытія многихъ изъ нихъ. Но мысль, что не мы и не сейчасъ воспользуемся плодами своихъ усилій, никоимъ образомъ не должна удерживать насъ отъ извѣстной работы, разъ мы можемъ думать, что идемъ по вѣрному направленію. Не нами историческое движеніе началось, не нами оно, слава Богу, и кончается. Мы пользуемся ежеминутно и въ умственной своей жизни и во внѣшней обстановкѣ сладкими плодами громадныхъ трудовъ нашихъ

предковъ, трудовъ, отъ которыхъ сами трудившіеся вкушали одну горечь. Поэтому должны и мы работать на пользу грядущихъ поколѣній и находить себѣ удовлетвореніе въ томъ, что вносимъ и свою каплю труда въ общую сокровищницу работы всего человѣческаго рода. И это чувство, да еще вѣковыми трудами нашихъ же предковъ развитая въ человѣческомъ духѣ неутолимая почти жажда труда, знаній, новыхъ открытій и есть сильнѣйшіе двигатели, влекущіе людей на трудное поприще научныхъ занятій.

И такъ, дѣйствительно можно сказать, что и при массѣ новаго матеріала сохранили свое громадное значеніе среди историческихъ источниковъ мемуары и записки современниковъ, ибо они оказываютъ существеннѣйшія услуги правильному изученію исторіи общества, изученію, отъ котораго люди ждутъ, хотя правда, и въ очень еще далекомъ будущемъ, чрезвычайно цѣнныхъ результатовъ.